

УДК 821.124

СТРАХ И ГНЕВ КАК СПУТНИКИ ЛЮБВИ В ПОЭЗИИ ПРОПЕРЦИЯ

Демина С.С.

Любовь в элегиях Проперция связана со страхом (*timor, metus*) и гневом (*ira*). Описание этих эмоций позволяет римскому поэту показать специфический характер любви, ее влияние на разум и поведение. Согласно Проперцию, проявления страха и гнева, направленного на человека, который хочет разрушить любовь, свидетельствуют о ценности любви, стремлении ее сохранить. Страхи раскрывают любовь как сложное чувство, в то время как гнев, направленный на любимого человека, показывает силу любовной страсти.

Ключевые слова: Проперций, элегия, любовь, страх, гнев.

FEAR AND ANGER AS COMPANIONS OF LOVE IN PROPERTIUS' POETRY

Demina S.S.

Love in Propertius' elegies is connected with fear (*timor, metus*) and anger (*ira*). The descriptions of these emotions allow the Roman poet to display the specific character of love, its influence on mind and behaviour. According to Propertius the expressions of fear and anger directed at a person, who wants to destroy love, testify the value of love, and an aspiration to keep it. The fears in elegies disclose love as a complicated feeling, while anger directed at the beloved person reveals the power of love passion.

Keywords: Propertius, elegy, love, fear, anger.

В творчестве Проперция тема любви, как известно, является доминирующей. Ее значимость для этого римского поэта I в. до н.э. неоднократно подчеркивалась в научной литературе [см., напр.: 5, p. 293; 8, p. 167-168; 11, p. 332-339; 17, p. 45; 18, p. 341; 19, S. 352;]. В то же время в его элегиях представлен довольно широкий спектр эмоций [4, S. 71; 5, p. 271],

характеристика которых позволит глубже понять его представления о том, насколько сложен и порой противоречив мир чувств человека. В частности, любви в поэзии Проперция зачастую сопутствуют страх и гнев, их изучению и посвящена данная статья.

В научной литературе страхи влюбленного затрагиваются в основном в рамках анализа какого-либо одного конкретного стихотворения этого римского поэта. Так, специалисты уделили достаточно пристальное внимание элегии 1.3, где влюбленный герой опасается приближения какого-нибудь мужчины к его спящей возлюбленной [7, p. 308], а также элегии 1.11, в которой он боится того, что в Байях, куда она на время уехала, у нее появится другой поклонник и заставит забыть о нем [7, p. 310, 313; 11, p. 338]. Э. Грин, при этом, полагает, что у Проперция страхи лишиться любимой женщины в жизни и в поэзии весьма близки [7, p. 313]. Ф. Кэйрнс указывает на то, что страхи влюбленного, показанные в произведениях этого римского автора, зачастую преувеличены, что способствует более сильному эмоциональному воздействию на читателя [см.: 4, S. 71]. Таким образом, хотя научный интерес к представлениям Проперция о страхе и его связи с любовью существует, все же этот вопрос изучен довольно слабо.

Значительно больше внимания исследователи уделили проявлениям гнева во взаимоотношениях влюбленных, которые описаны в элегиях этого римского поэта [см.: 6, p. 55-56; 9, p. 315, 337-340; 10, p. 96-97; 19, S. 347-348;]. Анализируя контекст употребления термина «*furor*» в элегии 1.18, Дж. Н. Грант отмечает, что многие редакторы и переводчики стихов Проперция понимают его как «безумную ярость» (“*insane rage*”), и предлагает интерпретировать его смысл как «безумие неудовлетворенной или отвергнутой любви» (“*the madness of unsatisfied or rejected love*”) [6, p. 55-56]. По мнению некоторых специалистов, гнев Кинфии свидетельствует не только о ее вспыльчивой натуре, но и о любви к главному герою элегий [см.: 9, p. 337, 339; 10, p. 96-97; 19, S. 347-348, 352;], который, также обладая страстным характером, доволен проявлением ее бурных эмоций [9, p. 315, 337, 339] и считает ее идеальной

женщиной [10, p. 97]. Однако необходимо отметить, что, несмотря на устойчивый интерес ученых к теме гнева в поэзии Проперция, отдельные частные вопросы затрагивались кратко или не рассматривались вообще, поэтому в данной статье будет предпринята попытка их анализа.

Для обозначения страха Проперций обычно использует термин «*timor*», реже – термин «*metus*». Страхи, о которых идет речь в его элегиях, можно условно разделить на две группы: страхи влюбленного за свою возлюбленную и страхи влюбленного за себя.

Страхи влюбленного за свою возлюбленную представлены в элегиях 1.3 и 2.26 [14]. В элегии 1.3 Кинфия спит, а главный герой, находясь рядом и с волнением наблюдая за ней, боится того, что сновидения могут вызвать у нее «необыкновенные» страхи (1.3.29: “*ne qua tibi insolitos portarent visa timores*”) [14]. О страхах, порожденных сновидениями, писал и Лукреций [подробнее о представлениях Лукреция о страхе см.: 1, с. 444-452]. Как показывает исследование К. Пеллинга, римские историки также придавали снам большое значение и описывали их как некие пророчества в биографиях выдающихся политиков и полководцев [13, p. 197-213]. Очевидно, что сновидения были для читателя I в. до н.э., верившего в их вещий характер [13, p. 197], интересной, близкой и волнующей темой. Описывая этот страх, Проперций раскрывает неразрывную связь любви и стремления оградить свою возлюбленную от неприятных переживаний, вызванных факторами, которые не зависят от них обоих. Кроме того, в этой элегии главный герой боится, что кто-то может принудить спящую Кинфию стать своей вопреки ее воле (1.3.30: “*neve quis invitam cogeret esse suam*”) [14]. Исследователи интерпретируют эту строку элегии исключительно как выражение его собственного скрытого стремления к близости с ней [см.: 7, p. 308; 10, p. 91-92]. Однако можно предположить, что в данном случае Проперций хотел показать читателю не тайные желания мужчины, а то, что, с одной стороны, добровольное согласие женщины является непременным условием для близких отношений, а с другой, что

любовь мужчины связана с заботой не только о душевном, но и о физическом состоянии его возлюбленной.

В элегии 2.26 [14] описывается страх влюбленного, вызванный сновидением, в котором его любимая женщина оказалась в водах Ионического моря и пытается спастись после кораблекрушения. Он боится, что от усталости она не сможет долго бороться за свою жизнь и погибнет, и сам уже готов броситься с высокой скалы, но от сильного страха просыпается. Как отмечает Ю.Г. Чернышов, морские плавания в античную эпоху были связаны с многочисленными опасностями, поэтому греческие и римские авторы, особенно жившие в I в. до н.э. – I в. н.э., зачастую рассматривали море как враждебную человеку стихию [см.: 3, с. 90-92, 104-105, 110]. Затрагивая актуальную для его современников тему кораблекрушения (пусть даже приснившегося), Проперций показывает читателю страх своего героя за жизнь возлюбленной.

Любовь, по мнению этого римского поэта, неразрывно связана и со страхами, которые можно условно назвать «страхами за себя». Он уделяет им довольно значительное внимание, поэтому обратимся к их характеристике.

В элегии 3.16 влюбленный получает в полночь письмо от любимой женщины с требованием срочно приехать в Тибур (3.16.1-2) [14], и перед ним встает дилемма: отправиться ли немедленно, подвергая свою жизнь опасности, или отложить поездку (3.16.5-6) [14]. Подобная проблемная ситуация вполне понятна читателю того времени, поскольку в I в. до н.э. уличная преступность и бандитизм на дорогах наводили ужас на население городов и сельской местности, вынуждая людей по ночам сидеть дома или отправляться куда-либо в сопровождении личной охраны [см.: 16, р. 163, 309, 373, 375]. Однако герой элегии 3.16 понимает, что, отложив свою поездку из-за страха, он обидит возлюбленную. Эта обида не только вызовет ее плач, который пугает его больше, чем «ночной враг» (3.16.8: “nocturno fletus saevior hoste mihi”), но и может привести к тому, что она не будет с ним встречаться целый год (3.16.9: “... totum sum pulsus in annum”) [14]. В элегии 2.27 Проперций также пишет о

том, что влюбленный не боится смертельных опасностей и по призыву своей девушки сделает все, чтобы вернуться к ней (2.27.11-16) [14]. От женщины римский поэт не требует того, чтобы она ради любви рисковала жизнью, но показывает, что поклоннику было бы легче с ней встречаться, если бы она, выходя на улицу (но не ночью), не окружала себя охраной, внушающей страх (см.: 2.23.13-14; 3.14.21-23) [14].

В элегии 1.19 герой Проперция боится того, что после его смерти возлюбленная быстро забудет его (1.19.1-3) [14]. Для него «этот страх тяжелее [страха] самих похорон» (1.19.4: “*hic timor est ipsis durior exsequiis*”) [14]. Обращаясь в этом произведении к теме смерти и в элегиях 3.16 и 2.27 к теме смертельных опасностей, которые могут возникнуть на пути к любимой, римский поэт подводит читателя к мысли о том, что для сохранения любви очень важно находиться рядом с возлюбленной.

Страх главного героя быть оставленным своей Кинфией, отдыхающей в Байях, и объяснение оснований этих фобий очень ярко и убедительно показаны в элегии 1.11. Влюбленный боится того, что, находясь вдали от него, она забудет о его чувстве и заведет себе нового поклонника, который увлечет ее «притворной страстью» («*simulatis ignibus*») (1.11.1-8) [14]. Исследователи обращают внимание на то, что в этой элегии, как и в некоторых других стихах Проперция, проявляются кризис в любовных отношениях главного героя и Кинфии [11, р. 338] и его негативное восприятие ее поездок [12, р. 635]. Байи, куда уехала героиня, были фешенебельным римским курортом с репутацией места, где легко заводились любовные интрижки [7, р. 310]. Проперций называет Байи «развращенными» (1.11.27: “... *corruptas... Baias*”) [14] и просит возлюбленную поскорее покинуть берега, разлучившие многих влюбленных (1.11.28) [14], «берега, которые были враждебными непорочным девушкам» (1.11.29: “*litora, quae fuerant castis inimica puellis*”) [14]. Однако и в самом Риме, по мнению поэта, царит распущенность нравов, и поведение девушки не сдерживается никаким страхом (3.12.17-18) [14].

Как видим, Проперций полагает, что окружающая обстановка, оказывая сильное влияние на ценностные ориентиры и модели поведения, способна разрушить любовь. В то же время основания для страхов влюбленного потерять свою возлюбленную связаны не только с окружающей обстановкой, но и с ее легкомыслием (*levitas*: 1.15.1) [14], которое ведет к вероломству (*perfidia*: 1.15.2; 1.15a.34) [14]. Проперций отмечает, что для любви очень важны верность (*fides*) и постоянство (*constantia*: 2.26a.27) [14], однако сам не доверяет ни возлюбленной, способной обмануть (см.: 1.15a.33-42) [14], ни другу (см.: 2.34.3) [14], потому что считает, что «редко кто не добивается для себя красавицы» (2.34.4: “*formosam raro non sibi quisque petit*”) [14]. Подобная позиция ведет к немотивированной ревности, которую римский поэт называет «глупым страхом» (2.34.20: «... *stulto... timore*») [14]. Влюбленный ревнует свою женщину к собственной тени (2.34.19) [14], к портретам и именам юношей, к младенцу, к ее матери, сестре, подруге (2.6.9-13) [14]. Понимая абсурдность такого страха, он просит возлюбленную простить его (2.6.13) [14] и сам готов ей все простить, о чем свидетельствуют его слова: «Будь какой хочешь, но не чужой» (1.15a.32: “*sis quodcumque voles, non aliena tamen*”) [14].

С точки зрения Проперция, страх является постоянным спутником любви, поэтому, обращаясь в элегии 1.5 к Галлу, мечтающему оказаться на его месте рядом с Кинфией, говорит о том, что любовное чувство непременно принесет тому слезы и страх (1.5.13-16) [14]. О душевных муках, которые испытывает влюбленный, писал и Лукреций [2, с. 33]. Однако, если этот поэт, придерживавшийся эпикурейской философии, призывал уклоняться от любовной страсти, чтобы избежать страданий и сохранить спокойствие духа [2, с. 35], то для Проперция она является смыслом жизни (см.: 1.11.22-26; 3.8.23-28) [14].

Гнев (*ira*) в элегиях Проперция также неразрывно связан с любовью. Он может быть направлен на того, кто попытается вмешаться и разрушить взаимное чувство между мужчиной и женщиной (см.: 1.4.15-28) [14]. В данном случае проявление гнева демонстрирует ценность любви для них и является в

какой-то степени способом защитить ее от постороннего вмешательства. Однако значительно чаще влюбленные негодуют друг на друга, что, с точки зрения Проперция, указывает на силу их страсти (см.: 2.5.9-13; 2.15.17-20; 3.6.35-40; 3.23.11-14) [14]. Описание речей и поступков, выражающих гнев, помогает этому римскому поэту показать неистовый характер истинной любви, не признающей меры в своих проявлениях (см.: 2.15.29-30) [14]. Так, например, в элегии 2.15 главный герой, рассердившись на свою возлюбленную, угрожает ей применением силы (2.15.17-20) [14], а в элегии 2.29 его обиженная дама сердца отправляет вооруженных юношей, чтобы те напали на него (2.29.1-9) [14].

Гнев могут породить обида, сомнения, ревность (см.: 3.23.12-14) [14]. Однако в элегии 2.22 римский поэт умышленно пытается вызвать ревность у своей возлюбленной, полагая, что таким образом он сдержит ее гнев (2.22.35-40) [14]. Женский способ укротить гнев любимого мужчины – это слезные жалобы и угрозы (1.6.7-10) [14]. Слезы Проперций называет «уловкой» (*ars*), с помощью которой Кинфия обычно им манипулировала, пока он сам позволял ей это делать до определенного момента (3.25.5-10) [14].

Независимо от того, была ли причина гнева серьезной (*gravis*) или ничтожной (*levis*), его последствием может оказаться разрыв отношений (2.9.35-36) [14]. Не допустить этого нежелательного результата можно, если при вспышке гнева влюбленные на время удалятся друг от друга (2.5.9-10) [14], а затем, объяснившись, помирятся (см.: 2.5.12-13; 3.6.35-40) [14], сохранив тем самым свою любовь, поэтому проявление гнева в любви не пугает Проперция. Наряду со страданиями, слезами, бессонными от тревог ночами гнев, по его мнению, свидетельствует о наличии и силе столь желанной для него любовной страсти (см.: 3.8.23-28) [14].

В то же время, если проявление гнева допустимо в отношениях влюбленных, то обман римский поэт считает неприемлемым. Об этом свидетельствует элегия 3.6, где главный герой слезно просит Лигдама передать возлюбленной слова оправдания, утверждая, что в его любви есть гнев, но не

обман (3.6.38: “iram, non fraudes, esse in amore meo”) [14]. Иногда он и сам, подозревая обман, готов ее укорять, как пишет Э. Р. Рудони, властным, строгим тоном [15, р. 177]. С точки зрения Проперция, женское коварство – это обычное явление. Даже Юпитер, по его словам, встает на сторону переживших предательство и молниями «вероломных... имеет обыкновение наказывать девушек, так как обманутый плакал и сам бог» (2.16.53-54: “periuras... solet punire puellas, deceptus quoniam flevit et ipse deus”) [14].

Таким образом, описания проявлений страха и гнева играют в произведениях Проперция важную роль, поскольку они позволяют автору показать специфику любви, ее влияние на разум и поведение человека, ее ценность для этого римского поэта. При этом, если изображение страхов главного героя раскрывает в элегиях суть любви как сложного, противоречивого чувства, то гнев показывает силу любовной страсти.

Список литературы:

1. Демина С.С. Категория страха в эпикурейской философии (по поэме Лукреция «О природе вещей») // ΣΧΟΛΗ (Scholē). Философское антиковедение и классическая традиция. 2018. Т. 12. Вып. 2. С. 444-452.
2. Демина С.С. Любовь в поэме Лукреция «О природе вещей» [Электронный ресурс] // Культура и текст. 2018. № 1 (32). URL: <https://goo.gl/ro6TqV> (дата обращения 15.10.2018).
3. Чернышов Ю.Г. Мореплавание в античных утопиях // Быт и история в античности / Отв. ред. Г.С. Кнабе. М.: Наука, 1988. С. 88-113.
4. Cairns F. The Mistress's Midnight Summons: Propertius 3.16 // *Hermes*. 2010. Bd. 138. H. 1. P. 70-91.
5. Caston R.R. Love as Illness: Poets and Philosophers on Romantic Love // *The Classical Journal*. 2006. Vol. 101. N 3. P. 271-298.
6. Grant J.N. Propertius 1.18 // *Phoenix*. 1979. Vol. 33. N 1. P. 48-58.
7. Greene E. Elegiac Woman: Fantasy, Materia and Male Desire in Propertius 1.3 and 1.11 // *American Journal of Philology*. 1995. Vol. 116. N 2. P. 303-318.

8. Grimal P. La civiltà dell'antica Roma. Roma: Newton & Compton editori, 2004. 349 p.
9. James Sh.L. Ipsa dixerat: Women's Words in Roman Love Elegy // *Phoenix*. 2010. Vol. 64. N 3/4. P. 314-344.
10. Kaufhold Sh. Propertius 1.3: Cynthia Rescripted // *Illinois Classical Studies*. 1997. Vol. 22. P. 87-98.
11. King J.K. Propertius 1.14: The Epic Power and Value of Love // *Classical World*. 1982. Vol. 75. N 6. P. 329-339.
12. Lindheim S.H. What's Love Got to Do with It?: Mapping Cynthia in Propertius' Paired Elegies 1.8A-B and 1.11-12 // *American Journal of Philology*. 2011. Vol. 132. N 4. P. 633-665.
13. Pelling Ch. Tragical Dreamer: Some Dreams in the Roman Historians // *Greece & Rome*. 1997. Vol. 44. N 2. P. 197-213.
14. Properz. Gedichte. Lateinisch und Deutsch. Von R. Helm. 2., unveränderte Auflage. Berlin: Akademie-Verlag, 1978. 291 S.
15. Rudoni E.R. Properzio, 2, 18, 35 // *Materiali e discussioni per l'analisi dei testi classici*. 2010. N 65. P. 177-181.
16. Weeber K.-W. Vita quotidiana nell'antica Roma. Roma: Newton Compton editori, 2010. 463 p.
17. Weinlich B.P. Puella and Poeta in Propertius' Elegy 3.10 // *Materiali e discussioni per l'analisi dei testi classici*. 2011. N 67. P. 21-49.
18. Wiggers N. Reconsideration of Propertius II.1 // *The Classical Journal*. 1977. Vol. 72. N 4. P. 334-341.
19. Wlosok A. Die dritte Cynthia-Elegie des Properz (Prop. 1, 3) // *Hermes*. 1967. Bd. 95. H. 3. S. 330-352.

Сведения об авторе:

Демина Светлана Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент, Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых (Владимир, Россия).

Data about the author:

Demina Svetlana Sergeevna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs (Vladimir, Russia).

E-mail: ist-drev@yandex.ru.